

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

«СНЯТИЕ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ» В ДЕЛАХ О РАЗДЕЛЕ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

А.Н. Артемова

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
artemova-an-1991@yandex.ru

Смысл и назначение института общей совместной собственности супругов, положения которого содержатся в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ), сложно переоценить. Данный институт воплощает в себе такие важнейшие семейные ценности, как доверие, взаимная поддержка, общность интересов супругов. Отечественное семейное законодательство справедливо исходит из необходимости построения семейных отношений на основе любви, уважения и ответственности. Кризис семейных отношений неизбежно ставит под угрозу и институт общей совместной собственности.

С одной стороны, законодатель предусмотрел ряд норм, обеспечивающих защиту прав обоих супругов: все имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью (п. 1 ст. 34 СК РФ), доли супругов в общем имуществе в отсутствие брачного договора признаются равными (п. 1 ст. 39 СК РФ), а право на общее имущество принадлежит не только супругу, имевшему доход, но также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода (п. 3 ст. 34 СК РФ).

Вместе с тем, в судебной практике по делам о разделе совместно нажитого имущества супругов достаточно распространенным явлением становится совершение одним из супругов действий, направленных на искусственное уменьшение размера совместно нажитого имущества. Такое уменьшение может быть физическим (выбытие имущества в результате отчуждения) и юридическим (уменьшение доли супруга в общем имуществе за счет возникновения общих обязательств).

Уменьшить размер общего имущества можно путем создания искусственной задолженности, так как при разделе общего имущества супругов их общие долги распределяются между ними пропорционально присужденным долям (п. 3 ст. 39 СК РФ). При этом долг признается общим и в том случае, если все, полученное по обязательству одного из супругов, было использовано на нужды семьи (п. 2 ст. 45 СК РФ). Для создания такой задолженности может быть использовано подконтрольное супругу юридическое лицо, в пользу которого у супруга возникло обязательство из

договора, например договора займа. Для установления истинной цели заключения такого договора суды применяют такой прием юридической техники, как «снятие корпоративной вуали», заключающийся в игнорировании самостоятельной правосубъектности юридического лица. «Снятие корпоративной вуали» позволяет оценить фактические отношения, сложившиеся между супругом и юридическим лицом. Тем самым пресекаются попытки злоупотребления правом со стороны недобросовестного супруга.

Так, в одном из дел по разделу совместно нажитого имущества супругов суд оставил под сомнение факт существования займа, полученного супругом от общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), поскольку оно являлось номинальным юридическим лицом, не осуществляющим никакой реальной хозяйственной деятельности, фактически контролирующим лицом которого являлся сам супруг.

Данный факт был установлен судом на основании совокупности фактических обстоятельств: 1) отсутствие у компании признаков реальной хозяйственной деятельности; 2) отсутствие работников; 3) отсутствие движения денежных средств по счетам; 4) непредставление документов отчетности в налоговый орган; 5) учредитель и директор компании являлся одноклассником супруга, проживал в Австрии и не принимал никакого личного участия в деятельности компании, при этом супруг выступал представителем компании по доверенности в судебных делах с ее участием; 6) налоговым органом в ходе выездной проверки было установлено, что по заявленному юридическому адресу компания не располагалась, однако по данному адресу располагался офис другой организации, руководителем которой являлся супруг; 7) налоговым органом 4 раза принималось решение о предстоящем исключении компании из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) как недействующего юридического лица, такое решение было принято в том числе на момент заключения договора займа.

Учитывая отсутствие экономической целесообразности таких складывающихся отношений между коммерческим юридическим лицом, преследующим извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, и физическим лицом, находящимся на отличительном, от всех других субъектов хозяйственных отношений, положении, суд сделал вывод о том, что супруг являлся лицом, фактически контролирующим ООО, а представленный в суд договор займа не имел места в действительности, создан для видимости, без намерения создать соответствующие правовые последствия¹.

Конструкция юридического лица может использоваться также при отчуждении общего имущества в пользу подконтрольной супругу компании.

¹ Решение Октябрьского районного суда г. Новосибирска от 13.12.2021 г. по делу № 2-2959/2021 [Электронный ресурс]. URL: https://oktiabrsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=299779733&case_uid=159cca0b-1b80-41a5-8358-38e64f1abc2&delo_id=1540005 (дата обращения: 23.08.2022).

В этом случае имеет место злоупотребление супругом правом на управление корпорацией: конструкция юридического лица используется в противоправных целях, а результатом такого использования является причинение вреда правам и законным интересам другого супруга. «Снятие корпоративной вуали» в этой ситуации также позволяет суду установить фактические отношения между супругом и подконтрольным ему юридическим лицом. Результатом является распространение на имущество, формально принадлежащее подконтрольной компании, режима совместной собственности супругов. Примеры такого подхода имеются как в зарубежной², так и в отечественной³ судебной практике.

В контексте проблемы отчуждения общего имущества без ведома другого супруга стоит приветствовать новеллу 2022 года, которая закрепляет дополнительный способ защиты нарушенных прав супруга путем уменьшения доли недобросовестного супруга при разделе общего имущества.

Поскольку имущественные отношения супругов основаны на доверии, в отношении распоряжения общим имуществом супругов действует презумпция испрошенного согласия второго супруга (п. 2 ст. 35 СК РФ). Исключения составляют сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, и сделки, подлежащие государственной регистрации. Для заключения таких сделок в силу п. 3 ст. 35 СК РФ требуется нотариально удостоверенное согласие другого супруга. В литературе справедливо указывалось на то, что такой механизм защиты прав одного из супругов от возможных злоупотреблений со стороны другого супруга является хоть и несовершенным, но действующим механизмом защиты хотя бы в отношении сделок с наиболее значимым для семьи имуществом (в частности, недвижимостью) [Добровинский, 2021, с. 295]. Чего нельзя сказать о сделках, для совершения которых не требуется нотариального согласия другого супруга (например, сделки по распоряжению движимым имуществом, ценными бумагами).

Супруг, без ведома которого было произведено отчуждение общего имущества третьим лицам, до недавнего времени находился в крайне уязвимом положении, поскольку защитить свои права он мог лишь посредством предъявления требования о признании сделки недействительной. При этом на нем лежало бремя доказывания недобросовестности другой стороны в сделке. В силу п. 2 ст. 173.1 Гражданского кодекса РФ такая сделка

² *Yasmin Prest v Michael Prest (First Respondent) Petrodel Resources Ltd and Others (Second to Eighth Respondents)* [2011] EWHC 2956 (Fam) [Электронный ресурс]. URL: <https://app.justis.com/case/yasmin-prest-v-michael-prest-first-respondent-petrodel-resources/overview/c4qtn5utm4Wca> (дата обращения: 23.08.2022)

³ Определение Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 5-КГ15-34 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=434069#ff03zHTkmKl1frP> x (дата обращения: 23.08.2022)

может быть признана недействительной только в том случае, если другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии необходимого согласия для совершения сделки. Однако далеко не всегда существование супруга у стороны-отчуждателя является очевидным.

Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» п. 2 ст. 39 СК РФ был дополнен указанием, на то, что суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в том случае, когда один из супругов совершал без необходимого согласия второго супруга на невыгодных условиях такие сделки по отчуждению общего имущества супругов, к которым судом не были применены последствия их недействительности по требованию второго супруга.

Таким образом, в ситуации, когда такой способ защиты права, как признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, не позволяет обеспечить восстановление нарушенных прав супруга, пострадавшего от недобросовестных действий другого супруга, такой супруг сможет рассчитывать на увеличение его доли в общем имуществе за счет уменьшения доли недобросовестного супруга.

В литературе справедливо отмечается, что правовое регулирование семейных отношений направлено в том числе на обеспечение защиты прав супруга, в отношении которого другой супруг допускает злоупотребление своими правами [Чернущ, Войтович, Воронина, 2017, с. 84]. Новые законоположения в сфере имущественных прав супругов в совокупности с возможностью применения юридико-технического приема «снятия корпоративной вуали» обеспечат правоприменителей эффективными механизмами защиты прав супругов по делам о разделе совместно нажитого имущества.

Литература

Добровинский, А. А. (2021). Проблемы правового регулирования распоряжения имуществом бывших супругов. *Бизнес. Образование. Право.* № 1 (54). С. 293–301. DOI 10.25683/VOLBI.2021.54.170.

Чернущ, Н. Ю., Войтович, Е. П., Воронина, С. В. (2017). Особенности раздела отдельных видов супружеского имущества. *Известия Алтайского государственного университета.* № 6(98). С. 83-87. DOI 10.14258/izvasu(2017)6-15.

ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННЫХ АВТОНОМНЫХ СИСТЕМ

Н.Н. Зайцев, К.Н. Дегтярёв, В.В. Танич

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К.
Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г.
Новосибирск
nik-217@mail.ru

Автономные системы появляются во многих сферах жизни общества. Автономность – термин расплывчатый, используемый практически для всего, что может сделать хоть что-то, что не контролируется человеком дистанционно. По сути, разница между дистанционно управляемым (беспилотным) средством и автономным не обязательно велика, поскольку автономность имеет очень много разных форм и степеней.

В военных системах развитие идет в сторону увеличения автономности. В боевых действиях широко используются различные роботизированные системы, такие как беспилотные летательные аппараты (БПЛА) или беспилотные подводные аппараты (БПА). В отличие от БПЛА и БПА, которым всегда нужен человек-оператор, автономный аппарат не нуждается в дистанционном управлении во время своей миссии. Чем больше автономии, тем меньше взаимодействия и вмешательства человека. Системы военного назначения становятся все более автономными, и это поднимает этические вопросы, особенно когда автономные системы обладают огневой мощью [Коломейцев, 2020].

Пацифист, конечно, мог бы возразить – этическая оценка оружия, используемого в войне, независимо от уровня его автономности, бессмысленна, поскольку война сама по себе неэтична. Однако, этическая оценка в этой статье дана исходя из законов о вооруженных конфликтах, кодифицированных, например, в Женевской и Гаагской конвенциях.

Право войны часто делят на «jus ad bellum» и «jus in bello». «Jus ad bellum» указывает, какие критерии должны быть соблюдены, чтобы начать войну. Правила «jus in bello» устанавливают этические критерии применения средств ведения боевых действий [Смирнов, 2021].

Можно предложить, что достаточно рассматривать только «jus in bello», поскольку военные автономные системы применяются только тогда, когда война уже началась. Однако, обладание военными автономными системами может также повлиять на интерпретацию «jus ad bellum», причина этого в том, что такие системы имеют преимущества с точки зрения снижения потерь для применяющей стороны, что может сделать войну более безрисковой, тем самым снижая порог для начала войны. Обладание военными автономными

системами может больше, чем другое оружие, повлиять на интерпретацию права вооруженного конфликта.

Одним из аргументов против использования военных автономных систем является то, что порог для начала войны может быть снижен, а некоторые, утверждают, что этот тип технологий даже создает иллюзию того, что войны могут быть без потерь личного состава. Если страна не рискует жизнями своих солдат, ей легче начать или вступить в войну, которая в противном случае могла бы и не начаться. Еще одна проблема касается ужасов и жестокости войны, о которых можно забыть с помощью этих технологий в сравнении с традиционным оружием, когда солдаты находятся в постоянной опасности.

Есть примеры, подтверждающие приведенные выше рассуждения, то есть когда автономные системы способствовали началу новых военных действий. Вошли бы войска США в Ирак, Югославию, Афганистан, если бы противник имел возможность использовать БПЛА на территории США? Этот вопрос указывает нам на важность при интерпретации критериев «*ius ad bellum*» – «справедливая причина», когда страна, имеющая военные автономные системы, решает атаковать страну, не обладающую ими [Шавеко, 2021].

Еще один аргумент против использования автономных военных систем – возникновение чувства несправедливости со стороны тех, кто этой технологией не владеет. Очевидно, что БПЛА в большей степени, чем многие другие разрешенные виды оружия, могут вызвать чувство несправедливости, поскольку они позволяют одной стороне сохранить жизни своих солдат. Использование США БПЛА в Пакистане вызвало антиамериканские настроения, и лица, совершившие террористические акты в Пакистане, начали представлять свои атаки как «месть за атаки беспилотников».

Военные автономные системы не являются более жестокими или несправедливыми сами по себе, но может возникнуть ощущение, что сторона, использующая их, даже если она не делает ничего противозаконного, использует средства, нарушающие неформальные правила воинской чести или демонстрирует отсутствие добродетелей воина таких, как мужество или милосердие. Право убить противника на войне основано на идее взаимного риска: солдат рискует своими жизнью и здоровьем, и поэтому ему позволено взять на себя ответственность за жизнь врага, не считаясь убийцей. Это чувство справедливости исчезает, если одна сторона использует автономные системы, а другая нет [Мартынов, 2019].

Несправедливость, вытекающая из асимметрии, когда одна сторона конфликта владеет автономной технологией, а другая – нет, тем не менее, также может считаться аргументом в пользу военных автономных систем, асимметрия может оказывать сдерживающее воздействие на более слабую сторону, которая с большей вероятностью будет добиваться дипломатического урегулирования конфликта путем переговоров. Если это так, то можно

утверждать, что чувство несправедливости – это то, что может принять более слабая сторона, и что это лучший вариант, чем потеря человеческих жизней.

Наличие военных автономных систем может привести к тому, что иногда называют «тайными операциями», когда автономные системы используются спецслужбами, отсутствие прозрачности в их действиях может стать проблемой. Согласно праву вооруженного конфликта, войны ведутся между государствами, и неясно, можно ли считать спецслужбы «государством»? Где решения принимаются за завесой секретности, этические и правовые нормы легче обойти, поскольку их нарушение не может контролироваться посторонними лицами. Это может перерасти в «неофициальные войны», когда одна страна может претендовать на моральное право убивать людей в другой стране, с которой они не находятся в состоянии войны. В результате другие страны могут заявить, что они вправе сделать то же самое, и законы войны в некотором смысле будут аннулированы [Зайцев, 2022].

Другой вопрос касается операторов БПЛА, которые действуют вдали от места применения оружия. Должны ли они считаться участвующими в войне, чтобы по ним можно было нанести ответный удар, даже если они находятся на территории нейтральной страны? Другими словами: разрешено ли по законам войны атаковать оператора БПЛА в Варшаве? Убивая на значительном расстоянии, оператор дистанцируется от факта, что он убивает людей, и, таким образом, испытывает меньше сожаления или не сожалеет вовсе. С ростом способности убивать с большого расстояния, в полной безопасности или при применении автономной системы, в которой команды на убийство не отдаются людьми напрямую, осознание убийства и смерти снижается. Физическая дистанция отдаляет бойца от последствий применения оружия. Кроме того, из-за отсутствия прозрачности оператору БПЛА может быть легче избежать ответственности, чем обычному солдату. Подобные вопросы указывают на необходимость более четкого правового определения границ поля боя.

Литература

Зайцев, Н. Н. (2022). Возможности применения искусственного интеллекта в военном деле. *Философские контексты современности: искусственный интеллект и интеллектуальная интуиция. ФИКОС 2022: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Ижевск. Удмуртский университет, 2022. С. 122-125.

Коломейцев, А. Э., Столяров, А. А., Попрядухин, П. И. [и др.] (2020). История создания и применения беспилотных летательных аппаратов военного назначения. *Информационная безопасность – актуальная проблема современности. Совершенствование образовательных технологий подготовки специалистов в области информационной безопасности*. Т. 1. № 2-1(13). С. 305-312.

Мартынов, К. (2019). Этика автономных машин: деонтология и военные роботы. *Логос*. Т. 29. № 3(130). С. 231-246. DOI 10.22394/0869-5377-2019-3-231-244.

Смирнов, М. Г. (2021). Эволюция правила Jus ad bellum в международном гуманитарном праве: к вопросу разграничения терминов jus in bello и jus ad bellum. *Вопросы российского и международного права*. Т. 11. № 12-1. С. 251-257. DOI 10.34670/AR.2022.82.26.027.

Шавеко, Н. А. (2021). Принципы справедливой войны: jus ad bellum. *Вестник военного права*. № 1. С. 69-76.

КАК ЗАКОНЫ ПОЛУЧАЮТ СВОИ ИМЕНА

С.С. Коновальчикова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск
zsnso@mail.ru

Дискуссия о том, необходимо ли в российских законах указывать имена их авторов, длится уже давно. Так, Л. Шейнин считает, что анонимность законодательных актов «снижает ответственность указанных лиц за должную разработку законов, способствует представлению на рассмотрение в законодательные учреждения проектов законов в сыром виде» [Шейнин, 2005, с. 64-67]. По мнению И.А. Лапиной, анонимность законов есть правовой дефект, свойственный всему отечественному законодательству в целом [Лапина, 2008, с. 13-17]. В проблеме авторства Г.А. Трофимова видит как частноправовой аспект, так и публично-правовой: автор не получает должного признания и вознаграждения за свой труд, а население страны получает малопонятный документ, не вызывающий доверия [Трофимова, 2015, с. 44-48]. Конечно, с позиции законодательного процесса указанные точки зрения не выдерживают никакой критики.

Традиция присваивать имена авторов законам более характерна для зарубежных стран. Например, поправка Джексона – Вэника. Эта поправка к Закону о торговле США (1974), вводившая ограничения на торговый оборот со странами, нарушающими права человека, в том числе в части иммиграции, получила имена своих авторов – конгрессменов Генри Джексона и Чарльза Вэника. Или итальянский Закон Базальи – закон о психиатрической помощи и реформе психиатрии, получивший свое имя в честь автора психиатра Франко Базальи.

В Российской Федерации все же присутствует подобная традиция и она имеет свои особенности. Действительно, за некоторыми резонансными законами закрепляются имена их авторов. Наиболее известный случай, это Закон Яровой – пакет антитеррористических поправок, соавтором которого стала депутат Государственной Думы Ирина Анатольевна Яровая (Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ и Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ).

Все же чаще в нашей стране законы получают не имена своих авторов. Так, Закон Димы Яковлева (Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»), которым был установлен запрет на усыновление российских детей гражданами США, получил имя в память о маленьком мальчике, которого приемный отец-американец оставил на жаре в автомобиле, в результате чего тот погиб. Другой пример, так называемая «Дадинская» статья

(статья 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации), которая устанавливает уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Эта статья получила свое название в честь первого осужденного по ней - Ильдара Дадина.

Формально-юридически требования к наименованию будущего закона закреплены в Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов, утвержденных Государственной Думой. Из наименования законопроекта должно быть понятно его содержание и основной предмет правового регулирования. Наименование должно быть точным, четким, недвусмысленным, чтобы его можно было легко запомнить, а при необходимости быстро найти. Нормативные правовые акты со сложными и неоправданно длинными наименованиями загромождают законодательство, затрудняют его систематизацию и понимание. В 2020 году специалистами Высшей школы экономики было проведено исследование по оценке «читабельности» законодательных актов Российской Федерации на основе их синтаксического анализа с применением методов компьютерной лингвистики. По итогам этого исследования сделаны выводы, что законодательство с 1991 года стало сложнее на 30%. Синтаксическая сложность вызвана негативными лингвистическими практиками к законодательному закреплению юридических норм, затрудняющих уяснение и разъяснение положений таких законов [Кнутов, Плаксин и др., 2020, с. 130]. Возможно, именно поэтому наиболее значимые законы получают упрощенное «медийное» название. Например, «дачная и гаражная амнистии» (упрощенный порядок оформления права собственности на недвижимость), «амнистия капиталов» (разрешение провести добровольное декларирование зарубежного имущества и банковских вкладов и освобождение от ответственности), «регуляторная гильотина» (реформа контрольно-надзорной деятельности, в том числе ревизия нормативных правовых актов на актуальность), «зарплатное рабство» (невозможность сменить зарплатный банк работника по его заявлению), закон «о праве на забвение» (каждый гражданин имеет право на удаление информации о себе из Интернета), закон о «золотых парашютах» (введение ограничения на размер выходного пособия в государственных корпорациях и компаниях), отмена «мобильного рабства» (возможность сменить оператора сотовой связи при сохранении прежнего телефонного номера), «закон о резиновых квартирах» (введение ответственности за регистрацию по месту жительства без намерения проживать) и так далее.

Таким образом, стремление к определенному лингвистическому упрощению, нарицанию «народными» именами способствует выстраиванию диалога между государством и обществом.

Литература

Кнутов, А. В., Плаксин, С. М. и др. (2020). *Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа*. М. Изд. дом Высшей школы экономики.

Лапина, И. А. (2008). Дефекты законодательных актов субъектов Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. № 21. С. 13-17.

Трофимова, Г. А. (2015). Авторство на законопроект: частный и публичный аспекты проблемы правового регулирования. *Законодательство и экономика*. № 2. С. 44-48.

Шейнин, Л. (2005). Недостатки законодательной техники Российской Федерации. *Юридический мир*. № 12. С. 64-67.

ТЕРМИН «PRIVACY»: ХРОНОЛОГИЯ ЭВОЛЮЦИИ

А.В. Кротов
г. Н. Новгород,
pravonnov@yandex.ru

Отечественная юридическая наука насыщена термином *privacy*, используемым авторами в значении «тайна частной жизни» [Доронина, Семилюткина, Цирина, 2020]; «право на неприкосновенность частной жизни» [Мотина, 2022, с. 25]; «право на личную жизнь» [Кунец, 2022, с. 17]; «неприкосновенность частной жизни» [Романовский, 2021, с. 47].

Неоднозначное восприятие термина *privacy* обусловлено рядом причин: машинальное копирование термина из стороннего текста; отсутствие общепризнанной национальной правовой доктрины права частной жизни; попытки придания исследовательской работе «научности», «весомости»; запоздавшая, инерционная реакция на развитие юридической науки и практики в зарубежных странах.

Традиционно в отечественной науке возникновение права частной жизни связывают с журнальной статьей, опубликованной в юридическом журнале Гарварда «Harvard Law Review» в 1890 г.: «Право на частную сферу» («Right to *privacy*»), в которой было заявлено о праве человека «быть оставленным в покое» («the right to be left alone»), иными словами, быть свободным от внешнего воздействия. Именно так указанное право определялось до 70-х годов XX века и непосредственно в таком содержании было адаптировано (с определенной модификацией) в национальных правовых системах стран «догоняющего» развития (*catch-up growth*) в качестве «истинного суждения» в том смысле, что оно признается населением большинства стран и находит свое отражение как в философии, так и в праве, является случаем «согласованной морали», обязательно в силу разумности, а не по причине угрозы наказания.

Исследование истории возникновения термина *privacy* ведет нас к классической латыни, где обнаруживается слово «*privatus*», «на языке Цицерона *privatim* означало действовать не как лицо, облеченное властью, как частное лицо, в совершенно иной плоскости, кроме того *privatim* означало делать что-либо не на глазах у всех, у себя дома, в уединении, обособлено от общества» [Арьес, Дюби, 2015, с. 16]. Во времена античной цивилизации была отмечена потребность индивида в создании определенной области, позволяющей защититься человеку от окружающей его реальности, вторжения извне, что является объективным свойством человеческой психики, одним из условий его социализации.

В первом-втором тысячелетии нашей эры, во времена Римской империи, было сформировано понятие «особого пространства, имеющего четко выраженные границы и относящегося к той части человеческого

существования, которая на всех языках называется личным, зона неприкосновенная, хранящая секреты и предоставляющая убежище... Это сокровенное домашнее пространство, где допустима раскованность, существовала частная жизнь не только у римских граждан, но в том числе и у рабов» [Арьес, Дюби, 2015, с. 78].

Слово *privacy* в английском языке было образовано из древнефранцузского слова (*privauté*) и означало в конце XIV в. одиночество (безбрачие), тайна [Ориджинс, 2006, с. 2014]. В свою очередь, в древнефранцузском языке *privauté* в XIII в. было образовано от латинского *privus* – выделенный, отличительный, своеобразный (персонализированный), самостоятельный, принадлежащий самому себе, в качестве прилагательного «собственность одного (отдельно взятого) человека». В XVI веке под ним понимали частное дело, секрет. Только в 1814 г. *privacy* стали понимать как свободу человека от вторжения извне.

В юридическом словаре Баллентайна (*Ballentine's law dictionary*) редакции 1969 г. под правом частной жизни предлагалось понимать: право быть оставленным в покое, то есть право быть свободным от нежелательной публичности и жить без необоснованного вмешательства общественности по непубличным вопросам (*Prents v Morgan*, 221 Ky 765, 299 SW 967, 55 ALR 964); право, основанное на праве индивидуума быть счастливым (*Barsky v United States*, 83 App DC 127, 167 F2d 241, cent den 334 US 843, 92 L Ed 1767, 68 S Ct 1511, rear den 339 US 971, 94 L Ed 1379, 70 S Ct 1001); на доктрине, в соответствии с которой каждый человек имеет личное право на неприкосновенность частной жизни, основанное на неприкосновенности личности.

На сегодня в США доминирует позиция, в соответствии с которой под правом частной жизни понимается группа прав (правовое образование), обеспечивающая возможность формирования собственной идентичности и внешней самопрезентации человека [Хеффернан, 2016, с. 3] (процесс представления человеком собственного образа в социальном мире, характеризующийся намеренностью на создание у окружающих определенного впечатления о себе. То есть речь идет о двух основных формах жизнедеятельности: ближайшей социально-экономической, и публично регламентированной). Юридический словарь Блэка редакции 1990 г. [Нолан, 1990, с. 978] право частной жизни (по сравнению с дефиницией, содержащейся в юридическом словаре Баллентайна (*Ballentine's law dictionary*) редакции 1969 г.) определяет следующим образом: право человека быть оставленным в покое; право человека быть свободным от неоправданной публичности; право жить, исключая необоснованное вмешательство общества в вопросы, не имеющие к нему отношения. Право частной жизни является системой прав (правовым образованием), включает в себя различные права, сопряженные с доктриной «упорядоченной свободы» (свобода человека ограничена необходимостью обеспечения порядка в обществе, такие ограничения должны иметь

рациональный характер), целью которых является защита от вмешательства государства в сферу интимных отношений или действий (лица), обеспечение свободы индивидуума на выбор (поведения) (как фундаментальная категория) в отношении самого себя, своей семьи, круга своего общения (*Industrial Foundation of the South v. Texas Indus. Acc. Bd.*, Tex., 540 S.W.2d 668, 679 (**Supreme Court of Texas**. July 21, 1976 Rehearing Denied October 6, 1976), постоянные и нежелательные телефонные звонки (*Housh v. Peth*, 165 Ohio St. 35, 133 N.E.2d 340, 59 O.O. 60), семейные отношения (*Prince v. Massachusetts*, 321 U.S. 158, 166, 64 S. Ct. 438, 442, 88 L. Ed. 645 (1944), воспитание и образование детей (*Pierce v. Society of Sisters*, 268 U.S. 510, 535, 45 S.Ct. 571, 573, 69 L. Ed. 1070 (1925)), право женщины на прерывание беременности, основанное в том числе на 14 поправке к Конституции США (ни один штат не может лишить какое-либо лицо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры либо отказать какому-либо лицу в пределах своей юрисдикции в равной защите закона), с определенными ограничениями (410 U.S. 113,93 S.Ct. 705 (1973)).

Изменение содержания термина *privacy* повлекло за собой создание ряда новых правовых конструкций (доктринальные обоснования в данном случае «подтолкнули» законодателя «к выработке и закреплению новелл, конструированию институциональных и субинституциональных блоков в отраслевых законах» [Крусс, 2007, с. 122]), например принцип ожидания неприкосновенности частной жизни (вера в существование права быть свободным от вмешательства государства в отношении определенного места или вещи); нарушение авторских прав (в названии, слогане и тому подобное), как элемент права частной жизни, и ряд иных.

Литература

Арьес, Ж., Дюби, М. (2015). *История частной жизни*. М. Новое литературное обозрение. 2 т.

Доронина, Н. Г., Семилютина, Н. Г., Цирина, М. А (2020). Контракт на оказание медицинских услуг в системе правового регулирования научных исследований генома человека. *Международное публичное и частное право*. № 5. С. 22-28.

Крусс, В. И. (2007). *Теория конституционного правопользования*. М. Норма.

Кунец, А. Г. (2022). Правовая охрана конституционного права на личную жизнь в Республике Беларусь и в Европейском союзе. *Конституционное и муниципальное право*. № 3. С. 17-23. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-3-17-23.

Мотина, Е. В. (2022). Характеристика на работника в контексте достоинства человека. *Трудовое право в России и за рубежом*. № 2. С. 25-28. DOI: 10.18572/2221-3295-2022-2-25-28.

Романовский, В. Г. (2021). Права человека и глобальные сети в условиях нарастания террористических угроз. *Конституционное и муниципальное право*. № 11. С. 47-51. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-47-51.

Heffernan, W. C. (2016). *Privacy and the American Constitution: New Rights Through Interpretation of an Old Text*. Cham. Palgrave Macmillan.

Nolan, J. R. (1990). *Black's law dictionary*. Henry Campbell Black. 6th ed.

Origins, A. (2006). *Short Etymological Dictionary of modern English by Eric Partridge*. London and New York.

НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИЦОМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ПРИЗНАК КОРРУПЦИИ

И.В. Матвеев

Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск
udicis@mail.ru

Проблема коррупционного поведения граждан как никогда стоит перед современным российским обществом. Высокая распространенность коррупционных деяний, а также их латентный характер препятствует нормальному развитию государственных структур и институтов гражданского общества. Современное российское законодательство характеризуется широким перечнем нормативных правовых актов, регулирующих деятельность по противодействию коррупции. На законодательном уровне понятие коррупции сформулировано в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ № 273). Следует отметить, что понятие коррупции в вышеприведённом законе сконструировано через перечисление некоторых преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях [Талапина, 2010, с. 192]. Такой подход законодателя критикуется в юридической литературе: исследователями отмечается ограниченность определения и отсутствие конкретных признаков коррупции [Наумов, Чаннов, 2009, с. 100; Прокументов, Карелин, 2009, с. 104; Спектр, 2015, с. 44]. Но из анализа содержания понятия коррупции очевидно, что незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства выступает обобщенной (родовой) категорией по отношению к перечисленным общественно опасным деяниям. Тем самым эти причисленные деяния, исходя из понимания ФЗ-273, выступают разновидностью проявления незаконного использования лицом своего служебного положения. Также стоит отметить, что указанные в законодательном определении коррупции деяния, согласно российскому законодательству, принадлежат исключительно к сфере уголовно-правового регулирования, хотя коррупционные правонарушения совершаются и в других отраслях права, например, в сфере административных правоотношений. Также стоит отметить, что целью совершения коррупционных деяний является получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, то есть коррупция проявляется через желание получения именно материальной выгоды [Клеймёнов, Верченко, Сейбол, 2017, с. 146].

Необходимо признать, что определение коррупции, содержащееся в ст. 1 ФЗ-№ 273, содержит некоторые недостатки законодательных формулировок. Прежде всего, это признак «иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства». Так как для отнесения к коррупционным проявлениям предполагается открытый перечень деяний (на что указывает конструкция «иное»), получается, что закон сужает понимание коррупции лишь незаконным использованием только должностного положения. Это ограничивает применение понятия коррупции, поскольку, во-первых, должностное положение связано с понятием должностного лица и является разновидностью служебного положения, которое может включать в свое содержание не только полномочия должностных лиц. Во-вторых, в перечне коррупционных проявлений указаны правонарушения, например, злоупотребление полномочиями, которое предусмотрено ст. 201 УК РФ и субъектом которого должностное лицо не является и, тем самым, реализовывать должностное положение данный субъект не может.

В научной литературе получили распространение различные подходы к определению коррупции и её признакам. В наиболее обобщенном виде под коррупцией понимается «злоупотребление государственной властью ради извлечения личной выгоды» [Роуз-Аккерман, 2003, с. 120]. Такое слишком общее определение не позволяет установить точные признаки коррупционных проявлений.

В юридической литературе встречается понимание коррупции в узком смысле как «социального явления, характеризующегося подкупом-продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [Кузнецова, 1993, с. 124]. Данный подход характеризует это социально-негативное явление через корыстную мотивацию должностного лица, которая обуславливает использование своих полномочий в свою пользу или пользу третьих лиц. При таком подходе коррупционными деяниями можно признать только различные формы взяточничества в современном уголовном праве.

Можно отметить, что некоторые аспекты понимания коррупции в узком смысле наши отражение в законодательстве о противодействии коррупции. Законодательное определение коррупции раскрывает разновидности выгод, которые участник коррупционных отношений может получить вследствие совершения противоправных актов. Выгода может состоять в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав (ср. предмет получения взятки), тем самым можно предположить, что коррупционное поведение в такой интерпретации исключает возможность получения выгоды неимущественного характера.

На наш взгляд, наиболее приемлемым является широкий подход к

пониманию коррупции, который включает в себя не только экономическую мотивацию коррупционера. Такое понимание соответствует представлениям современной правовой науки. Так, Т.Я. Хабриева указывает, что коррупционными актами являются и любые формы содействия коррупционерам: «коррупция - это противоправное использование должностным или иным лицом своего положения в целях получения ненадлежащей выгоды для себя или третьих лиц, предоставления другими лицами такой выгоды, а также посредничество и иные формы содействия в совершении указанных деяний» [Хабриева, 2012, с. 8].

Рассмотрев различные подходы к определению коррупции, необходимо отметить, что есть признак, который объединяет все возможные варианты научного определения коррупции – (незаконное) использование лицом своего служебного или должностного положения. В коррупционных деяниях извлечение личной выгоды происходит единственно благодаря незаконному использованию лицом своего служебного или должностного положения. Это проявляется не только в нарушениях компетенции и в использовании полномочий должностным лицом, но и в извлечении материальной и иной выгоды из существующего служебного положения. Действительно, без наличия определённого правового статуса, который предоставляет лицу права и обязанности, невозможно существование коррупционных актов. Способность совершать коррупционные правонарушения лицом (в форме пассивной коррупции) происходит из его публично-правового статуса.

Литература

Клеймёнов, М. П., Верченко, Н. И., Сейбол, Е. М. (2017). Нравственность и коррупция. *Вестник Омского университета. Серия: Право.* № 4 (53). С. 144-150.

Кузнецова, Н. Ф. (1993). Коррупция в системе уголовных преступлений. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право.* № 1. С. 21-26.

Наумов, С. Ю., Чаннов, С. Е. (2009). *Комментарий к ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».* М. Юстицинформ.

Прокументов, Л. М., Карелин, Д. В. (2009). Анализ нового антикоррупционного законодательства. *Вестн. Том. гос. ун-та.* № 328. С. 104-110.

Роуз-Аккерман, С. (2003). *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы.* М. Логос.

Спектор, Е. И. (2015). Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации. *Журнал российского права.* № 8. С. 40–46.

Талапина, Э. В. (2010). *Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции (постатейный).* М. Волтерс-Клувер.

Хабриева, Т. Я. (2012) Коррупция и право: доктринальные подходы к

постановке проблемы. *Журнал российского права*. №6 (186) С. 5-17.

ОЧЕРК ИСТОРИИ ОСМЫСЛЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОКОНФУЦИАНСТВА В ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ КОРЕИ РАННЕГО ПЕРИОДА ЧОСОН (XV-XVI ВВ.)

Е.Р. Сигаури-Горский

Московский государственный институт (университет) международных
отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации,
г. Москва
ggorskiy999@gmail.com

Среди современных исследований традиционного права стран Восточной Азии наибольшее внимание, как правило, уделяется прежде всего праву Китая. В рамках подходов сравнительного правоведения принято полагать, что именно китайская правовая традиция (прежде всего в «измерении» конфуцианской философии) является общим стрижнем того, что зачастую именуется «дальневосточной правовой семьей» или «философской правовой семьей» [Саидов, 2003, с. 323]. Следует, однако, обозначить, что в настоящее время ученые-юристы непосредственно из стран региона открыто заявляют о проблематичности представления о всеобщей «конфуцианской типизации» восточноазиатских обществ [Chulwoo, 2013, p. 20]. Конфуцианство является в высшей степени «китайской философией», в том смысле, что оно воплотило в себе те ценности, которые были присущи еще «шанско-чжоускому» Китаю за многие века до рождения Конфуция (551 — 479 гг. до н.э.), выразив, таким образом, исходные ориентиры китайской общественной культуры. В Японии, Корее и Индокитае, в свою очередь, учение Конфуция и его последователей зачастую переосмыслялось и адаптировалось в локальном социально-культурном контексте. Характерным примером подобного является Корея, традиционная правовая система и обычное право которой существовали и развивались на протяжении всей её долгой истории, несмотря на всестороннее влияние Китая [Кіруо, 2013, р. 2]. Данное исследование, в свою очередь, призвано пролить свет на традиционную правовую культуру и правовую мысль Кореи периода Чосон (XIV-XIX вв.), периода, когда неоконфуцианство стало главенствующей государственной идеологией на половину тысячелетия [Choi, 2003, p. 88], прочно закрепившись в качестве одного из столпов классического и современного национального морально-правового дискурса [Chen, 2021, p. 89].

Ввиду географической близости, конфуцианская философия начала проникать в Корею еще в период «Трёх государств» (I в. до н.э. — VII в. н.э.), присоединяясь к «правовой палитре» ранней Кореи, включающей в себя обычную правовую культуру, происходящую из традиционного шаманизма и раннего Буддизма [Kuk-Woon, 2021, p. 112]. Позднее, в период Корё (918 — 1392 гг. н.э.) конфуцианское влияние начало укрепляться и распространилось

на государственные институты, созданные по образцу китайской династии Тан (618–907 гг. н.э.). Конфуцианство присутствовало и в образовании: в 992 г. была создана «Гукджагам», центральная национальная конфуцианская академия, а также были учреждены локальные государственные провинциальные школы «хянгё» [Łukasinski, 2016, p. 142.]. Наконец, с падением Корё пришла эпоха периода Чосон (1392 — 1910 гг. н.э.), последней корейской императорской династии, ознаменовавшая фундаментальную приверженность конфуцианской идеологии.

Начало развития юридической науки и государственного управления данного периода связано с именем конфуцианского ученого-чиновника Чона Доджона (1342 — 1398), который в 1394 г. составил частный Кодекс «Чосон Кёнкуджон» («Кодекс управления Чосоном») [Choi, 2000, p. 42] а позднее разработал «Кёндже Мунгам» («Очерки национальной политики», 1935 г.) и «Кёндже Мунгам Пьолчип» («Дополнительные очерки национальной политики», 1397 г.), послужившие основными ориентирами для новой правительственной организации и администрации. Основывая свои идеи на том, что можно охарактеризовать как «демократический конституционализм», Доджон ставил главным государственным приоритетом интересы самого населения, полагая, что именно люди являются истинными руководителями страны, посему главной целью деятельности правительства надлежит быть достижение их благосостояния и процветания [Choi, 2003, p. 89]. Важной идеей Доджона в контексте исторического развития корейской государственности надо полагать приемлемость революционного изменения власти. Осмысливая традиционную конфуцианскую концепцию «Мандата Неба», ученый утверждал, что народ может совершить революцию, если правитель потерял народную поддержку и свою добродетель (то есть потерял «Мандат Неба»). Следовательно, если иной добродетельный человек, имеющий народную поддержку, свергает недостойного правителя, тот сам вправе войти на престол. Подобные воззрения были крайне актуальны для новой правящей династии Ли, пришедшей к власти в результате государственного переворота.

Другой ключевой фигурой рассматриваемого периода является И Хван (1501 — 1570), последователь неоконфуцианства Чжу Си (1130 — 1200), известный в качестве составителя «Хяньяк», договора о местном самоуправлении, закрепившем 4 принципа конфуцианской добродетели: увещание друг друга к совершению добродетельных поступков; исправление неправильных действий друг друга; общение и взаимодействие в соответствии с правилами приличия и обычаями; предоставление друг другу помощи в случае болезней и бедствий [Choi, 2003, p. 94]. Примечательно, что определенные, прежде всего буддийские слои корейской элиты, были крайне оппозиционно настроены к внедрению неоконфуцианских практик, связанных, например, с культом поклонения предкам и домашними алтарями [Nguyên, 1988, p. 249]. Подобные факты свидетельствуют против идеи

абсолютного и беспроblemного принятия конфуцианства в странах Восточной Азии.

В рассматриваемый период также сформировался ряд ключевых корейских политико-правовых концепций. Так, например, принцип «Чочжонг Сонхон» устанавливал необходимость уважать и сохранять достижения и векторы политической деятельности прошлых королей [Choi, 2000, p. 43], что гарантировало определенную стабильность при разработке и принятии нового законодательства. Центральной стала идея о «хороших законах на основе прекрасных обычаев», утверждающая обычай основой законодательства. Неоконфуцианство, *inter alia*, также получило свое выражение в концепциях о приоритете конфуцианского «ли» (этикет/ритуал) над правом и совместном урегулировании/корректировке проступков и правонарушений, что способствовало социализации и внутреннему социальному контролю вне позитивного права.

Литература

Саидов, А. Х. (2003). *Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник*. М. Юристъ.

Chen, Y. (2021). The Presence of Confucianism in Korea and its General Influence on Law and Politics. In Dr. Arturo Oropeza García (coordinator.). *Corea. Una visión jurídica y geopolítica en el siglo XXI*. Universidad Nacional Autónoma de México / Instituto de Investigaciones Jurídicas. Pp. 77–90.

Choi, C. (2000). South Korean Law and North Korean Law: Comparison and Reunification. *The Law Research Institute*. Vol. 40. No. 4. Pp. 41–55.

Choi, C. (2003). Traditional Legal Thoughts in Korea. *Journal of Korean Law*. Vol. 2. No. 3. Pp. 75–108.

Chulwoo, L. (2013). The rule of law and forms of power: theorizing the social foundations of the rule of law in South Korea and East Asia. In Hyunah Y., Elgar E. (ed.). *Law and Society in Korea*. Pp. 20–44.

Kipyo, K. (2013). Overview. In Korea Legislation Research Institute (ed.). *Introduction to Korean Law*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg. Pp. 1–31.

Kuk-Woon, L. (2021), Introduction to Korean Law. In Dr. Arturo Oropeza García (coordinator.). *Corea. Una visión jurídica y geopolítica en el siglo XXI*. Universidad Nacional Autónoma de México / Instituto de Investigaciones Jurídicas. Pp. 111–135.

Łukasinski, J. (2016). Korean legal thought under Yi dynasty as a reflection of Confucian worldview adopted in early Joseon period: Chinese influence, Korean ideology. *Gdańskie Studia Azji Wschodniej*. Vol. 9. Pp. 139–152.

Nguyêñ, T. (1988). Review: [Untitled] Reviewed Work: Law and the State in traditional East Asia. Six studies on the sources of East Asian law, (Asian Studies at Hawaii, No. 33). In *Revue Historique*. Presses Universitaires de France. Pp. 248–249.